

12+

Александр Маклер

Тишина в сердце

СЧАСТЬЕ ВНУТРИ

Александр Маклер

Тишина в сердце. Счастье внутри

«Издательские решения»

Маклер А.

Тишина в сердце. Счастье внутри / А. Маклер — «Издательские решения»,

Главный герой, немолодой мужчина, ощущает напряжение и усталость от повседневных забот, упрёков и суеты. Он стремится к уединению и тишине, но вскоре понимает, что настоящий покой кроется не во внешних обстоятельствах, а в душе и в любви к родным. Его жизнь преобразается, и на смену печали и унынию приходит счастье.

© Маклер А.

© Издательские решения

Содержание

Утро без надежды	6
Поиски тишины	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тишина в сердце Счастье внутри

Александр Маклер

© Александр Маклер, 2026

ISBN 978-5-0070-2408-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро без надежды

В те дни, когда душа, словно узник в темнице, томила в тесноте, а мир суетный гнул её в своей череде, жил муж немолодой, утопая в заботах, тщетно отыскивая пространство комфорта. Его имя было Андрей Петрович, и жизнь его текла размеренно, но не без своих загадок и тайн.

Андрей Петрович просыпался всегда одинаково, как по волшебству. Не по будильнику, а от многоголосия дома, словно невидимый оркестр, что будило его вернее любого звонка. Сперва доносился топот маленьких ног по старому паркету, который когда-то сиял, как зеркало, но теперь местами прогибался и поскрипывал, напоминая о тех годах, что прошли с момента их переезда. В некоторых местах лак стёрся, обнажая древесину с причудливым узором годовых колец, словно история самого дома была запечатлена в этих узорах. Андрей Петрович помнил, как выбирал этот паркет, как гордился своим приобретением, представляя, как его дети будут бегать по нему, смеясь и играя.

Затем раздавался звонкий голос Миши, словно колокольчик, что звенел в ушах Андрея Петровича: «Папа, папа, смотри, что я сделал!» В этом голосе было столько восторга, что сердце Андрея Петровича невольно теплело, хотя ему хотелось ещё хоть минутку понежиться в блаженной тишине и позволить себе окунуться в мир грёз. Мальчик вбегал в спальню, размахивая бумажным самолётиком или новой фигуркой солдатики, его глаза горели, как два маленьких солнца, а щёки покраснели от бега. На коленке красовался свежий пластырь — вчерашний трофей после падения с велосипеда, который, казалось, только добавлял ему шарма.

Миша подбегал к кровати отца, и Андрей Петрович, улыбаясь, смотрел на своего сына. В этот момент мир вокруг словно останавливался, и они оставались вдвоём, в своём маленьком уютном уголке, где время текло иначе, где не было места заботам и суете. Миша садился на край кровати, его руки дрожали от волнения, и он протягивал самолётик или солдатику отцу, ожидая похвалы и одобрения. Андрей Петрович брал игрушку, рассматривал её с интересом, а затем, улыбнувшись, говорил: «Молодец, Миша! Ты у меня настоящий мастер!»

Миша сиял от счастья, и в этот момент Андрей Петрович чувствовал, как его сердце наполняется теплом и гордостью. Он знал, что его сын растёт, что впереди его ждут новые испытания и радости, но в этот момент он был счастлив просто быть рядом с ним, видеть его радость и чувствовать, как их связь становится всё крепче.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь лёгким шорохом ветра за окном да тихим скрипом старого паркета, который, казалось, рассказывал свои древние истории. В воздухе витал аромат свежести и домашнего уюта, а за окном уже начинало светлеть, обещая новый день, полный неожиданных загадок и тайн. Андрей Петрович, сидя в своём кресле у окна, задумчиво смотрел на первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь тонкие занавески. Он знал, что этот день не будет простым, но его сердце наполняла уверенность: семья всегда будет рядом, всегда поддержит и наполнит его жизнь смыслом.

В этот момент Миша, с задорным блеском в глазах, вбежал в комнату, запрыгивая прямо на кровать. Его маленькое, но крепкое тело с размаху ударилось о матрас, вызвав лёгкий вздох у Ольги, которая уже стояла у двери, держа в руках чашку горячего чая.

— Смотри, какой он быстрый! — тараторил Миша, размахивая мятым листком бумаги. — Я его сам сложил! Вот тут всё нарисовано!

Он сунул листок под нос отцу, тыча пальцем в диаграммы, которые были начерчены с таким усердием, что бумага местами помялась. Андрей Петрович улыбнулся, глядя на сына. В его глазах читалась гордость за любознательность Миши, за его стремление к новым знаниям и открытиям.

— Папа, давай запустим его? — не унимался Миша, его голос звенел от нетерпения.

Ольга, услышав слова сына, лишь вздохнула. Её глаза, обычно полные заботы и любви, сейчас выражали лишь усталость. Она знала, что завтрак уже остывает на плите, а Катя, их старшая дочь, ждёт её на кухне, чтобы помочь с уроками.

— Опять ты проспал? — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но в нём всё же слышалась нотка раздражения. — Завтрак сам себя не приготовит!

Андрей Петрович почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Он знал, что Ольга всегда вставала раньше всех, ещё до того, как первые лучи солнца начинали пробиваться сквозь окна. Она готовила завтрак, проверяла уроки Кати и собирала Мишу в детский сад. Её забота была неотъемлемой частью их жизни, и он понимал, что её раздражение — это не злоба, а просто накопившаяся усталость.

Миша, заметив напряжение в голосе матери, сразу же замолчал. Он посмотрел на отца, ища поддержки, но тот лишь улыбнулся и кивнул, давая понять, что всё в порядке.

— Ладно, папа, я сам пойду, — сказал Миша, спрыгивая с кровати и направляясь к двери. — Не буду мешать.

Ольга проводила его взглядом, её глаза на мгновение смягчились, но затем она снова повернулась к мужу.

— Андрей, — сказала она, поставив чашку на стол и подойдя ближе. — Может, тебе стоит хоть раз встать пораньше? Мы все могли бы выспаться.

Андрей Петрович посмотрел на неё с благодарностью. Он знал, что за её словами скрывается не упрёк, а забота. Он кивнул, соглашаясь.

— Хорошо, Оля, я постараюсь.

Она улыбнулась в ответ, но её взгляд, словно тень, всё ещё был полон усталости и затаённой грусти. Андрей Петрович вздохнул, чувствуя, как на него наваливается тяжёлая, свинцовая усталость дня. Но он знал, что впереди его ждут не только трудности, как тёмные тучи на горизонте, но и радость, и счастье, которые ему подарит его семья. Эта мысль была для него как маяк в бушующем море жизни.

Вдруг, словно по волшебству, раздался звук расстроенного рояля. Старшая дочь, Катя, в десятый раз повторяла одну и ту же гамму, и каждый раз сбивалась на четвёртом такте, как будто невидимый враг сбивал её с пути. Рояль, доставшийся Ольге от бабушки много лет назад, давно нуждался в настройке. Он, словно старый друг, жалобно скрипел и звенел нестройно, будто жаловался на свою судьбу. Андрей Петрович, привыкший к этим звукам, как к шепоту старого дуба, различал каждый дефект: ми-бемоль чуть западает, фа-диез дребезжит, а басовые струны гудят глухо, будто недовольны, что их тревожат так рано.

Быт, словно липкая паутина, опутывал его день ото дня. Звон детских голосов, упрёки жены, суета, шум, гомон, беготня — всё это создавало вокруг него постоянный хаос, от которого он пытался укрыться. То он прятался в кабинете, где среди пыльных книг и старых бумаг искал утешение, то выходил к окну, где вглядывался в серый, однообразный пейзаж, надеясь найти в нём хоть каплю покоя. Но каждый раз, когда он пытался вырваться из этого круговорота, его вновь затягивало обратно.

Андрей Петрович знал, что ему предстоит пройти через множество испытаний, словно через бурю в бескрайнем океане. Но он верил, что его семья — это тихая гавань, его оплот, его спасение. Даже в самые тёмные и бурные ночи он знал, что родные люди всегда будут рядом, как маяк в тумане, поддержит в любую минуту, как тёплый хлеб в голодную зиму.

Он медленно вставал с кровати, словно пробуждаясь от долгого сна. Натягивал халат — старый, потрёпанный, с оторванными манжетами, но всё ещё уютный. Проводил рукой по редющим волосам, чувствуя, как пальцы натыкаются на залысины, которые становились всё заметнее. В зеркале на мгновение он поймал своё отражение: лицо с глубокими морщинами у глаз, тёмные круги под ними, взгляд усталый, будто он не спал вовсе.

Заметил седой волос, выпрыгнувший из причёски, словно маленький бунтарь, и машинально выдернул его, словно избавляясь от ненужного балласта. В этот момент он почувствовал, как в груди что-то сжалось, и он вздохнул, пытаясь собрать мысли.

В комнате было тихо, только тиканье старых часов нарушало эту тишину. Он подошёл к окну, открыл его, и холодный утренний воздух ворвался в комнату. Он вдохнул полной грудью, чувствуя, как свежий ветер освежает его. Вдали виднелись крыши соседних домов, и он подумал о том, как хорошо, что он здесь, среди своих.

Он закрыл окно и вернулся к зеркалу, чтобы взглянуть на себя ещё раз. Взгляд его стал более осмысленным, более решительным. Он знал, что впереди его ждут испытания, но он был готов к ним. Он был готов встретить их вместе со своей семьёй, как настоящий мужчина, как настоящий воин.

Шёл Андрей Петрович на кухню, где уже кипела жизнь, словно в маленькой, но бурной реке. Ольга металась между плитой и раковиной, её волосы, обычно аккуратно собранные в пучок, теперь выбивались из причёски, словно вырвались на свободу, несколько прядей прилипли ко лбу, будто капельки пота. На плите шкворчала сковорода с яичницей, её аромат смешивался с запахом горячего масла, наполняя кухню теплом и уютом. На столе громоздились тарелки, чашки, хлебница была открыта нараспашку, как будто приглашала отведать её содержимое. Рядом стояла банка с вареньем, но крышка вечно терялась, словно играла в прятки.

Миша, маленький непоседа, катал по полу грузовик — старый, с облупившейся краской, но любимый. Его глаза горели энтузиазмом, он что-то громко рассказывал сам себе, его голос был полон эмоций и страсти. Время от времени он спотыкался о собственные ноги, но это не останавливало его, он продолжал своё увлекательное путешествие. Катя, с косичками, которые растрепались, пыталась одновременно играть на принесённом сюда маленьком синтезаторе и завтракать. Её движения были неуклюжими, она роняла крошки на клавиши, но это не мешало ей наслаждаться музыкой и едой. Её косичка развязалась, и волосы падали на лицо, она то и дело откидывала их рукой, оставляя на щеке след от варенья, словно следы её утренних приключений.

Андрей Петрович остановился на пороге кухни, его взгляд скользнул по комнате, впитывая каждую деталь. Он почувствовал, как его сердце сжалось от увиденного. Ольга, с её усталыми глазами и мольбой в голосе, казалась ему символом всей этой суеты и хаоса. Он сделал шаг вперёд, готовый помочь, но вдруг замер, осознав, что не знает, с чего начать. Кухня была наполнена звуками и запахами, которые смешивались, создавая неповторимую атмосферу домашнего уюта и тепла.

— Ну что, герой, — бросила Ольга через плечо, вытирая руки о фартук, на котором красовалось пятно от томатного соуса. — Поможешь или так и будешь стоять столбом?» В её голосе прозвучала не столько злость, сколько мольба о помощи, словно она просила его о чём-то большем, чем просто убрать со стола. Она на мгновение замерла, посмотрела на него, и в этом взгляде Андрей Петрович прочёл всё: усталость, надежду, просьбу понять. Он почувствовал, как внутри него что-то шевельнулось, и решил, что должен помочь.

Он кивнул, взял в руки тарелку и начал осторожно раскладывать кашу. Его движения были привычными, словно он делал это тысячу раз, но мысли уносили его далеко-далеко, туда, где не было ни кастрюль, ни бесконечных гаммы, ни грохота грузовиков. Там царила тишина, нарушаемая лишь лёгким шелестом листвы на ветру.

Он представил старый парк, что находился неподалёку. Тенистые аллеи, утопающие в зелени, скамейки у пруда, по зеркальной глади которого скользили утки. Воздух был наполнен ароматом цветущих деревьев, а тишина — такая глубокая, всеобъемлющая — казалась редкой гостьей в его нынешней суетной жизни.

Воспоминания о юности нахлынули на него, словно волны. Он снова видел себя молодым, шагающим по этим аллеям с Ольгой. Они останавливались на той самой скамейке у воды,

где воздух был пропитан запахом прелых листьев и свежести. Они сидели молча, слушая, как ветер играет с листвой, и в этом безмолвии рождалось что-то особенное, что-то, что он не мог выразить словами.

Пока он погружался в эти воспоминания, Миша подбежал к нему, запрыгнул на стул рядом и начал рассказывать свой сон. Его глаза блестели от волнения, а голос звучал быстро и громко.

— А там был дракон, и он летал! И я его приручил! И мы вместе летали над горами... — слова сыпались градом, Миша размахивал руками, чуть не опрокинув стакан с соком.

Катя, заметив это, строго сказала:

— Миша, осторожнее!

Но её голос тут же сорвался, и она сбилась с мелодии на синтезаторе. Катя вздохнула, её плечи опустились, а лицо омрачилось. Ольга, заметив это, подошла к ней, осторожно поправила выбившуюся прядь волос и шепнула что-то на ухо. Катя улыбнулась, словно очнувшись от сна, и начала играть заново.

Миша, увидев это, замолчал, а затем, словно вспомнив что-то важное, добавил:

— А потом дракон превратился в облако, и мы вместе полетели в небо...

Он замолчал, и в комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим плеском воды в пруду за окном.

Андрей Петрович, сидя за столом, с нежностью смотрел на своих родных. Усталость, что давила на плечи тяжким грузом, медленно отступала, уступая место тёплой волне любви, которая разливалась по сердцу, словно весенний ручей. Да, в доме было шумно, да, суета не давала покоя, да, порой казалось, что это невыносимо. Но это была его семья, его жизнь, его дом. И где-то в этой суете, среди повседневных забот и хлопот, он, возможно, и находил тот самый покой, который так тщетно искал.

Он взял ложку каши, машинально отправил её в рот и принялся жевать, размышляя о чём-то своём. Взгляд его скользнул по кухне, и вдруг он заметил то, что ускользнуло от внимания раньше. Ольга, его жена, с удивительной заботой поставила рядом с его тарелкой чашку кофе. Именно так, как он любил: с двумя ложками сахара и каплей сливок, которые таяли, создавая нежную кремовую пенку. На краю чашки остался едва заметный след от её помады — алого оттенка, который она выбирала специально для особых случаев, когда хотела сделать ему приятное.

Андрей замер, чувствуя, как сердце вдруг забилось быстрее. В этом простом жесте, в этом маленьком знаке внимания, было что-то большее, чем просто забота. Ему показалось, что тишина уже здесь, не снаружи, а внутри этой суматошной, но такой родной суеты. В запахе яичницы и кофе, в звонком голосе их сына Миши, который весело рассказывал о чём-то за столом, в сосредоточенном лице дочери Кати, которая делала уроки, в усталой, но тёплой улыбке Ольги — во всём этом был его мир, его дом.

Он посмотрел на свою семью: на Ольгу, которая с любовью наблюдала за ним, на Мишу, который, казалось, не замечал усталости и продолжал болтать, на Катю, которая с сосредоточенностью решала задачи, и почувствовал, как внутри него разливается странное, но приятное чувство. Может быть, именно в этой гармонии, в этой неуловимой, но такой настоящей связи между ними и заключалась та самая гармония, которую он так долго искал.

Поиски тишины

На заре, когда первые лучи солнца робко пробивались сквозь плотную завесу тумана, Андрей Петрович, словно пробуждённый от долгого сна, медленно поднялся с постели. Его движения были плавными, почти ленивыми, но в них чувствовалась скрытая тревога. Он подошёл к окну, и, обхватив себя холодными руками, глубоко вздохнул. Взгляд его устремился вдаль, где небо, едва окрашенное алым, сливалось с горизонтом. «О, где же тот уголок, где сердцу одиноко, но мирно, где мысли текут, как ручей в тени?» — прошептал он, и в этих словах звучала вся его тоска, вся его неудовлетворённость жизнью.

Халат, который он носил уже десять лет, был его верным спутником в эти утренние часы. Когда-то он был кремового цвета, но теперь выцвел до неопределённого бежевого оттенка. На локтях виднелись протёртые дыры, а манжеты давно обтрепались, но для Андрея Петровича этот халат был чем-то большим, чем просто одежда. Он был символом уюта, тепла и чего-то родного, что оставалось неизменным даже в самые трудные времена.

За окном разворачивалась привычная, но в то же время волнующая картина пробуждающегося двора. Внизу, на детской площадке, дети играли в горелки. Их звонкий смех разносился по всему двору, наполняя его радостью и беззаботной энергией. Андрей Петрович наблюдал за ними с лёгкой улыбкой, но в его глазах читалась скрытая печаль. Он вспомнил своё детство, когда сам был таким же беззаботным, когда мир казался огромным и полным возможностей.

Один мальчик в синей куртке неожиданно споткнулся о бордюр и упал. Но тут же вскочил на ноги, смеясь и отряхивая пыль. Его товарищи подбежали к нему, помогли подняться, и снова смех, снова игра. Андрей Петрович невольно улыбнулся, глядя на эту сцену. Он вспомнил, как сам когда-то бегал по этому двору, как играл в такие же игры, как смеялся и радовался каждому мгновению. Но время неумолимо шло вперёд, и вот он уже стоит здесь, наблюдая за детьми, и в его душе рождается странное чувство — смесь грусти и светлой зависти.

Он отвёл взгляд от окна и, вздохнув, вернулся к своим мыслям. В голове его снова и снова всплывал вопрос: «Где тот уголок, где сердцу одиноко, но мирно?» Он знал, что ответа на этот вопрос нет. И в то же время он чувствовал, что где-то там, за горизонтом, скрывается нечто важное, нечто, что может изменить его жизнь. Но пока это оставалось лишь тайной, скрытой за завесой утреннего тумана.

У подъезда, на старой деревянной лавочке, сидели три старушки в тёмных, словно тень, платьях и чёрных платочках, которые скрывали их лица, как будто защищая от времени. Они о чём-то оживлённо беседовали, их морщинистые руки мелькали в воздухе, а головы, покрытые платками, кивали в такт словам. Иногда они бросали взгляд на играющих детей, которые носились по двору, как маленькие вихри, и заливались звонким смехом. Одна из старушек, в сиреновом, словно утренняя заря, платке, особенно выделялась: она размахивала руками, словно пыталась донести до слушателей какую-то важную, может быть, даже загадочную историю. Её голос, тихий и проникновенный, прерывался лишь на мгновение, когда она смахивала слезу с глаза, то ли от смеха, то ли от воспоминаний. Остальные старушки, вслушиваясь в её рассказ, качали головами в такт словам, и время от времени вытирали глаза, словно пытаясь сдержать слёзы.

Рыжий кот, местный любимец, нежился на солнце у стены старого дома. Его шерсть переливалась всеми оттенками золота, а глаза, словно два изумруда, блестели на солнце. Он лениво потягивался, выгибая спину дугой, словно вспоминая свои кошачьи сны. Потом улёгся на бок, подставив своё круглое, как луна, брюшко тёплым лучам. Кот щурил глаза, мурлыкая едва слышно, его хвост медленно ходил из стороны в сторону, словно рисуя в воздухе невидимые узоры. Он был воплощением безмятежности, словно знал какую-то тайну, которую не хотел открывать никому.

Андрей Петрович, стоя у окна своей квартиры, смотрел на эту мирную, почти идиллическую картину. Он чувствовал, как тоска, словно тяжёлый камень, сжимает его грудь. «Вот он, покой, — подумал он, — но мне не суждено вкусить его, оконце...» Его дом, казалось, был полон вечного вихря, неумолчного гула и нескончаемой череды дел и забот. За стеной его квартиры кипела жизнь: кто-то ругался, кто-то смеялся, кто-то плакал. А здесь, на лавочке у подъезда, царила тишина, нарушаемая лишь пением птиц и лёгким шелестом листьев.

Андрей Петрович закрыл окно и отошёл от него. Его шаги были тяжёлыми, словно он нёс на себе весь груз мира. Он знал, что никогда не сможет ощутить того покоя, который видел за окном. Но в этот момент, глядя на играющих детей, на старушек, на ленивого кота, он почувствовал, что его сердце немного смягчилось. Может быть, однажды он тоже найдёт свой покой, свой уголок, где сможет забыть обо всех заботах и тревогах.

Он провёл ладонью по прохладному, гладкому стеклу, словно пытаясь ощутить сквозь него ту безмятежную тишину, что царила теперь во дворе. В его памяти ожили воспоминания из детства, когда он приезжал к бабушке в деревню. Там, в этом далёком краю, утро начиналось с нежного аромата сена и терпкого запаха печного дыма. Куры, словно маленькие оркестры, распевали свои незамысловатые песни, а вдалеке, в глубине двора, мычали коровы, добавляя к этой симфонии природы свои грустные, но мелодичные звуки. Над всем этим простиралось бескрайнее небо, такое безмолвное и глубокое, что казалось, будто оно хранит в себе все тайны мироздания.

Тишина в деревне была не просто отсутствием звуков — она была наполнена жизнью, но такой умиротворяющей и спокойной, что хотелось раствориться в ней. Он вспомнил, как часто сидел на крыльце бабушкиного дома, наблюдая за миром вокруг. Пчёлы, словно маленькие труженики, жужжали над цветами, создавая вокруг себя волшебное ощущение тепла и уюта. Листья деревьев шелестели под лёгким ветерком, и этот шелест казался ему музыкой, которая проникала в самую душу.

Тогда, в детстве, думалось легко и свободно, словно мысли сами собой парили в воздухе, не обременённые заботами и тревогами. Дышалось полной грудью, и каждый вдох был наполнен ароматом цветов, трав и свежести. В те мгновения он чувствовал себя частью чего-то большого и важного, частью этого удивительного мира, который был полон тайн и загадок.

Он пытался укрыться в своём небольшом кабинете — в дальней комнате, некогда служившей ему крепостью, местом, где можно было погрузиться в размышления. В центре кабинета стоял старый письменный стол с массивными выдвижными ящиками. Один из них вечно заедал, и, чтобы открыть его, приходилось стучать ладонью, словно пытаясь достучаться до самого времени. На столе лежала стопка книг, рядом — глобус на деревянной подставке, а на стене висела карта мира, потрёпанная по краям, словно она видела множество путешествий и приключений. На полке, рядом с книгами, стояли фотографии в рамках: он и Ольга в день свадьбы, их лица светились счастьем, маленький Миша на первом утреннике в детском саду, его улыбка была такой искренней и беззаботной, и Катя с медалью после олимпиады по математике, её взгляд был полон гордости и решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.